

Цэнь Сяо не спешил с инспекцией в фармацевтическую компанию «Мэйцзян». Он прекрасно понимал: внутри «Ланьшу» наверняка есть уши и глаза гиганта. О любом визите отряда «Призрачный глаз» — кто поехал и когда — руководству станет известно заранее, что позволит вовремя уничтожить все компрометирующие улики.

Следующие два месяца он посвятил посещению пострадавших от препарата «Юаньхэшэн», чьи отзывы были зачищены в сети.

Из-за учебной нагрузки Цэнь Сяо не мог надолго покидать город, поэтому львиную долю командировок взяли на себя пять членов его группы. Работа продвигалась с огромным трудом. Даже имея на руках адреса и контакты, предоставленные Цзянь Фу, оперативники часто заходили в тупик: некоторые жертвы уже скончались, и их гнев, боль и обида угасли вместе с ними, а интернет стер их последние крики о помощи.

Многие сменили место жительства, и поиски их новых домов превращались в бесконечную беготню. К тому же за годы под началом Хань Цзяня «Призрачный глаз» привык держаться особняком, и между ними и простыми людьми пролегла настоящая пропасть. Многие граждане никогда не слышали ни о Девятом районе, ни об их отряде; они принимали оперативников за мошенников и наотрез отказывались общаться.

Были и те, кто просто не желал ворошить прошлое. Потеряв близких, они остались в одиночестве и, вконец измотанные годами борьбы, не хотели тратить душевные силы на дело, которое не сулило им никакой выгоды. Судьба других пациентов, оставшихся в неведении, их больше не заботила — в нищете и горе каждый спасается как может, и никто не вправе требовать от них самопожертвования ради справедливости.

Но чаще всего оперативники сталкивались с бессильным отчаянием: люди понимали, что плетью обуха не перешибешь. Несмотря на ярость и муку, из-за отсутствия юридической грамотности и специальных знаний они не сохранили прямых доказательств. Пустые жалобы и гневные тирады не могли служить уликами в суде, более того — компания «Мэйцзян» могла подать встречный иск за клевету.

Те, чьи голоса в интернете были подавлены цензурой, боролись месяцами, но интерес публики неумолимо угасал. Случайные зеваки разошлись, привлеченные новыми горячими темами, и оставшиеся жертвы чувствовали себя изгнанниками на краю света, в бесплодной пустыне забвения. В конце концов они покидали сеть, оставляя лишь устаревшие или неточные данные, которые с трудом выуживал Цзянь Фу.

Именно эта суровая реальность позволяла фармацевтическому предприятию безнаказанно набивать карманы, а сомнительному препарату «Юаньхэшэн» — преспокойно оставаться на рынке. Если бы Хань Цзянь не усмотрел в действиях компании вызов своему авторитету и не вцепился в эту ниточку, расследование «Призрачного глаза» никогда бы не началось, а голоса жертв так и остались бы погребенными в безбрежном людском море.

В конференц-зале Девятого района Юй Фуянь до рези в глазах листал документы. Потирая веки, он обратился к Цэнь Сяо:

— Капитан, я слышал, группа капитана Ду уже побывала в «Мэйцзян».

Ход расследования Ду Минли держался в строгом секрете, и Юй Фуянь узнал об этом, лишь когда тот собрался возвращаться.

Цэнь Сяо, однако, получил информацию гораздо раньше.

— М-м.

Он знал, что Ду Минли съездил впустую. Руководство «Мэйцзян» не только подготовилось к визиту, но и радушно принимало капитана в ресторанах, едва не затащив его в ночной клуб для «полного расслабления». В итоге Ду Минли в ярости вернулся в город.

Утечка информации была неизбежной реальностью. Даже если капитан по возвращении усилил режим секретности, ему всё равно приходилось отчитываться перед Хань Цзянем и просить помощи у вспомогательных отделов Девятого района. Проходя через множество рук, сведения неизбежно просачивались наружу.

Руководство «Мэйцзян» больше не рассчитывало на прибыль в эти месяцы — они просто выжидали, когда Шестой район будет окончательно упразднен, чтобы навсегда выйти из-под контроля Объединенной торговой палаты «Ланьшу». К тому времени, когда Ду Минли решит навестить снова, его, вероятно, не только не позовут в ресторан, но и выставят за дверь без лишних слов.

Цэнь Сяо не мог быть уверен, что о его собственном расследовании еще не знают, но за эти два месяца владелец компании Хэ Даюн, будучи известным предпринимателем города Ян, посетил множество статусных мероприятий: Всекитайскую конференцию по обмену опытом между фармацевтическими предприятиями, Конференцию «Процесс разработки лекарств и будущее развитие», Салон «Создание эпохи предпринимателями» и тематическую выставку «Цивилизованные технологии, добросовестное движение вперед»...

На каждом мероприятии Хэ Даюн торжественно позировал для памятных снимков. Его грузная фигура неизменно занимала центральное место на фотографиях, которые затем, как символ успеха, вывешивались на глянцевых стенах почета. Всем своим видом он показывал, что расследование следственной группы ничуть его не беспокоит, и безмолвно провоцировал следствие, словно победитель.

Дверь конференц-зала распахнулась, и вошел Гэн Ань. По его лицу катился пот, а глаза

покраснели от недосыпа — очевидно, он не спал несколько ночей подряд.

— Результаты экспертизы готовы. Лекарство соответствует всем нормам.

Гэн Ань через подставных лиц закупил «Юаньхэшэн» в разных больницах, отобрал двадцать образцов и отправил их на анализ. Результат его явно разочаровал.

Впрочем, Цэнь Сяо ожидал именно этого. Не только он, но и Ду Минли проводил тесты. Если бы нашлись нарушения, капитан Ду уже развернул бы полномасштабное наступление, а не убирался бы из города Ян в замешательстве.

Пока на посту оставался председатель Шестого района Цзян Чжун, предприятие получало предупреждения заранее. Они выпустили новую партию лекарств, безусловно соответствующих стандартам проверки. Стоило им переждать этот период, как они снова начнут экономить на сырье, и контролировать их будет некому.

Согласно внутренним данным, с сентября прошлого года «Мэйцзян» закрыла две производственные линии «Юаньхэшэна». Объем выпуска резко сократился — они оставили лишь одну линию для видимости присутствия на рынке. Это значило, что в их глазах нынешнее время не подходило для заработка, и они минимизировали потери через сокращение производства.

По сути, «Юаньхэшэн» должен был стать брешью в броне компании, через которую можно было бы доказать их недобросовестность, но теперь эту брешь тщательно заштопали.

Юй Фуянь, глядя на результаты экспертизы, вздохнул:

— Очевидно, новая партия — качественная. Если бы они всегда придерживались таких стандартов, проблем бы не было.

Но это было невозможно — жажда наживы была тем самым чудовищным водоворотом, способным перемолоть любые остатки совести.

Гэн Ань, опершись рукой о стол, провел по лбу, поправляя редеющие волосы, и вдруг воодушевился:

— Старые партии! Мы можем найти прошлогодние лекарства и проверить их! Не может быть, чтобы они успели подчистить даже то, что было выпущено раньше!

Прежде чем Цэнь Сяо успел ответить, из динамиков его ноутбука раздался голос Ли Жуна:

— Старые лекарства, разумеется, не соответствуют нормам. Но срок годности «Юаньхэшэна»

— всего один год. С сентября прошлого года, когда они закрыли линии, все партии идут «чистые». Последние упаковки старого образца уже просрочены. Если экспертиза покажет низкое качество, они просто спишут это на истекший срок годности и распад активных компонентов.

Гэн Ань только сейчас осознал, что Цэнь Сяо всё это время был на связи с тем симпатичным студентом. Тот внимательно следил за каждым шагом следствия. При этом капитан ни разу не докладывал Хань Цзяню об участии Ли Жуня в деле.

Поначалу Гэн Ань считал нелепостью то, что первокурсник из группы Чжан Чжаохэ допущен к секретам службы. Но за время совместной работы он убедился: Ли Жун знает невероятно много. Если бы не его подсказки, оперативники потратили бы в разы больше времени на изучение базовой специфики отрасли. По многолетнему инстинкту офисного работника Гэн Ань чувствовал, что уровень юноши превосходит знания многих его сокурсников из университета.

«Неужели Университет А настолько сократил набор, что качество студентов так резко возросло?» — гадал он.

Вздыхнув, Гэн Ань невольно обратился к экрану ноутбука:

— Но старые партии сейчас днем с огнем не сыщешь. Больничные аптеки утилизируют просрочку. Разве что в глухих деревнях или в подпольных лавочках что-то завалилось...

Юй Фуянь поправил очки, преисполненный тревоги:

— Значит, мы в тупике?

Ли Жун помолчал, а затем медленно произнес:

— Нам всё равно нужно найти старые образцы для тестов. Даже если они не станут решающей уликой, мы должны увидеть, насколько далеко они зашли в своих нарушениях.

Гэн Ань потер опухшее от недосыпа лицо:

— Я обошел несколько больниц, спрашивал однокашников, работающих в фарминдустрии — ни у кого не осталось прошлогоднего «Юаньхэшэна». В крайнем случае попробую поискать в мелких аптеках на окраинах, но с рецептурными препаратами там сложно.

Ли Жун:

— Пациенты. Наверняка у кого-то из них сохранились запасы. Старики часто не выбрасывают

лекарства, даже если срок годности вышел.

Цэнь Сяо спросил:

— Как продвигаются поиски у остальных?

Юй Фуянь вдруг выпрямился, и его глаза азартно блеснули. Он пододвинул ноутбук к капитану:

— Брат Янь только что прислал письмо! Они нашли нового пострадавшего. Он из сферы образования, сохранил абсолютно все доказательства, и у него есть упаковки «Юаньхэшэна» из старых партий!

Ли Жун на том конце связи замер.

— Перешлите мне копию.

Он стоял в коридоре университета, прислонившись к подоконнику. Сквозняк гулял между рамами, издавая тонкий гул, который смешивался с приглушенным голосом преподавателя из аудитории. Обычный мирный полдень.

Пострадавшего звали Ху Цицзян. Это был высокообразованный человек, школьный учитель, выпускник престижного вуза. Он страдал наследственным психическим расстройством и два года назад после постановки диагноза начал принимать «Юаньхэшэн» по рекомендации врача.

Однако после начала приема его состояние не только не улучшилось, но и стало нестабильным. Жена, не выдержав трудностей, подала на развод, а администрация школы, опасаясь за безопасность учеников, вежливо попросила его уволиться.

Потеряв семью и карьеру, Ху Цицзян был раздавлен. Поискав информацию в интернете, он обнаружил множество жалоб на эффективность препарата, которые вскоре бесследно исчезли. Он закономерно заподозрил лекарство и, не в силах сдерживать эмоции во время очередного приступа, опубликовал в сети резкое заявление.

В ответ компания «Мэйцзян» подала на него в суд за вмешательство в предпринимательскую деятельность и злонамеренную клевету, порочащую репутацию. Под натиском мощной команды юристов учитель проиграл дело, и его обязали выплатить штраф в тридцать тысяч юаней.

Ху Цицзян был измотан физически и морально, его болезнь обострилась до предела, едва не

доведя его до рокового шага. К счастью, по совету товарища по несчастью он перешел на другой, чуть более дорогой препарат, и его состояние стабилизировалось. Лишь попробовав другое лекарство, он окончательно убедился: с «Юаньхэшэном» что-то не так.

Он думал о новом иске против предприятия, но по сравнению с их профессиональными юристами его силы были ничтожны. Известные адвокаты были ему не по карману, а рядовые прямо говорили, что дело заведомо проигрышное. Боясь пустить последние деньги на ветер, он затаился.

Несмотря на осознание горькой реальности, в его сердце жила надежда. Он бережно хранил все свидетельства, не зная, пригодятся ли они когда-нибудь. В приложении к письму Брата Яня были фотографии двух упаковок старого «Юаньхэшэна». Обе коробки не были вскрыты, хотя срок годности уже истек. Ху Цицзян слышал о Девятом районе и отряде «Призрачный глаз», поэтому решил довериться и передать улики оперативнику. Через пару дней Брат Янь должен был вернуться с лекарствами для повторной экспертизы.

Ли Жун поставил ноутбук на выступ в коридоре и, низко склонившись, принялся увеличивать фотографии таблеток. «Юаньхэшэн» выпускался в форме таблеток, которые в отличие от жидких форм более стабильны — срок годности у них обычно составляет два-три года. Но у этого препарата он был ограничен двенадцатью месяцами.

На сине-белой коробке было указано, что внутри двадцать таблеток. Каждая имела овальную форму, размером примерно с ноготок мизинца. Согласно инструкции, пациенту следовало принимать по одной таблетке в день. Однако жертвы в интернете заявляли, что порой даже три таблетки не давали эффекта. Поначалу все они, разумеется, винили в этом тяжесть собственного состояния.

Цэнь Сяо взял телефон и отправил голосовое сообщение Цзянь Фу в их общую группу:

— У «Мэйцзян» мощный отдел мониторинга, они мгновенно зачищают любой негатив. Поищи на досуге другие удаленные ими комментарии, даже если они не касаются «Юаньхэшэна». Возможно, найдем другую зацепку.

[Цзянь Фу: ...Брат, не поверишь, в Первом районе уже все думают, что отец отрекся от престола в мою пользу. Чуть ли не еженедельные отчеты мне шлют]

[Линь Цинь: Удачи. В тех сценариях, что мы репетируем, каждый принц в итоге встает на путь узурпации власти]

[Цзянь Фу: У каждого такого принца под боком всегда есть коварный сановник или любимая наложница, сбивающие его с пути]

[Цзи Сяочуань: Линь Цинь, а ты обычно кого играешь?]

[Цзянь Фу: Любимую наложницу]

[Линь Цинь: ...Исчезни]

— У тебя еще не закончилась пара? — Цэнь Сяо, только что говоривший с Цзянь Фу сухим и деловым тоном, обратился к Ли Жуну, и его голос невольно смягчился.

Ли Жун, до этого напряженный, слегка расслабился, наблюдая за перепалкой друзей в чате. Отложив телефон, он снова уставился в экран ноутбука. В какой-то момент его взгляд сфокусировался на одной точке, и он нахмурился. Юноша увеличил изображение в несколько раз и почти вплотную приблизился к монитору.

— Цэнь Сяо! Посмотри на таблетки «Юаньхэшэна». Там на них что-то оттиснуто?

На упаковке был изображен образец таблетки — качество печати было отличным, но рисунок оставался крошечным и почти незаметным. Лишь при внимательном изучении можно было разглядеть в верхней части овальной таблетки контур мчащейся лошади.

Услышав это, Цэнь Сяо тоже отложил смартфон и впился взглядом в экран. Юй Фуянь и Гэн Ань, ничего не понимая, поспешили открыть фото на своих компьютерах. На таблетках действительно красовался символ лошади. Присмотревшись, они заметили, что на обеих упаковках логотип идентичен, но цвета едва заметно различаются.

— На одной коробке рисунок белый, — негромко произнес Цэнь Сяо. — Если не знать, его почти не видно. На второй — серый, более отчетливый.

Юй Фуянь чуть ли не впечатал очки в монитор, но через минуту растерянно пробормотал:

— Хоть убейте, ничего не вижу.

— Я вижу, — вставил Гэн Ань. — Но если не приглядываться, решишь, что просто в глазах рябит.

— Чувствительность к цветам у всех разная, — серьезно заметил Ли Жун. — Пусть ребята на месте спросят у Ху Цицзяня, была ли разница в цене между этими упаковками.

За два месяца Юй Фуянь и Гэн Ань привыкли воспринимать слова Ли Жуна как приказы капитана. Юй Фуянь немедленно набрал номер Брата Яня. Тот уже спешил в аэропорт с уликами, но, выслушав коллегу, тут же связался с учителем.

Через некоторое время пришел ответ:

— Говорит, что разницы в цене не было. Ху Цицзянь и сам не знал, что рисунки отличаются цветом. Он купил обе коробки одновременно. Возможно, дело в разных партиях — при производстве цвет таблеток может слегка варьироваться.

Но Ли Жун чувствовал, что всё не так просто. Линии производства настраиваются жестко, а пациентам всё равно, как выглядит таблетка. У компании «Мэйцзян» не было причин выпускать два разных варианта.

Ли Жун мельком взглянул на время. Он отсутствовал под предлогом боли в животе уже почти час — пора было возвращаться, иначе это вызвало бы подозрения.

— Пока оставим это, дождемся результатов экспертизы старых образцов. — Он на мгновение замаялся и тихо добавил: — У меня сейчас большая лекция от декана факультета, пойду в аудиторию. И... не забудь поесть.

Цэнь Сяо с самого утра маковой росинки во рту не видел.

Ли Жун захлопнул крышку ноутбука, сунул его в холщовую сумку и, осторожно открыв заднюю дверь аудитории, проскользнул внутрь.

Декан в это время вещал с трибуны, размахивая лазерной указкой:

— Наша специальность, как вы все знаете, требует колоссального терпения. Ведь... зарплаты у нас соответствующие, сами понимаете. Вы должны ставить мечту на первое место, быть настойчивыми и верить, что когда-нибудь доходы вырастут.

В аудитории раздался дружный хохот. Эти первокурсники, только что переступившие порог университета, еще не ведали страха перед безработицей и не слышали горечи за шутливыми словами преподавателя.

Когда веселье утихло, декан примиряющим жестом призвал к порядку:

— Разумеется, настойчивость важна, но совесть — еще важнее. Вы не должны в будущем жертвовать моралью ради лишнего гроша.

Именно в этот момент Ли Жун шел по проходу между рядами. Однако он не вернулся на свое прежнее место, а присел рядом с Хэ Чанфэном. Тот, будучи парнем тучным и потливым, не любил сидеть в толпе, поэтому забился в самый дальний угол, занимая в одиночку пространство для троих.

Увидев Ли Жуна, Хэ Чанфэн удивился, но всё же подвинулся, уступая место. Он даже не заметил, когда тот ушел — все знали, что Ли Жун не горит любовью к этой специальности, почти не учится и часто прогуливает. Зато Сун Хэ, сидевший впереди, внимательно следил за

каждым его движением. Как только Ли Жун вошел, Сун Хэ обернулся и не сводил с него глаз. Заметив, что тот сел рядом с Хэ Чанфэном, Сун Хэ поджал губы, не в силах разобраться в собственных чувствах.

— Неужели в нашей отрасли всё так бедно? — проворчал Хэ Чанфэн, как только Ли Жун устроился рядом. — Каждый препод талдычит, будто мы после выпуска пойдем по миру с протянутой рукой. Если человек не может заработать — значит, он просто бездарь, и нечего на профессию пенять.

Слушая эту тираду человека, совершенно не знающего тягот жизни, Ли Жун позволил себе вежливую, но пустую улыбку:

— М-м. Заработать на самом деле не так уж сложно. Декан ведь только что сказал: стоит лишь отбросить мораль, и деньги потекут рекой.

Хэ Чанфэн, до этого ворчавший лениво, после этих слов нахмурился:

— Но разве такие деньги не вызывают тошноты? Я не понимаю людей, готовых продать совесть за жалкую выгоду. В конечном счете это лишь признак никчемности — раз не хватает таланта идти честным путем, приходится лезть в темные дебри.

Ли Жун повернулся и внимательно посмотрел на сокурсника. На круглом лице Хэ Чанфэна читалось искреннее пренебрежение. Он был высокомерен и уверен в себе; он презирал как неудачников, так и тех, кто наживался нечестным трудом. Выросший в роскоши и не знавший нужды, он никогда не задумывался о том, каким трудом достаются деньги.

Ли Жун усмехнулся:

— Не ожидал от тебя такой тяги к справедливости.

— Я просто терпеть не могу неудачников, — фыркнул Хэ Чанфэн. — У толковых докторов наук зарплаты будь здоров, пятьсот тысяч в год — не предел. Мой отец таким специалистам платит именно столько.

— Высокая зарплата. Похоже, компания «Мэйцзян» — образец добропорядочности, — произнес Ли Жун, опустив глаза и задумчиво потирая кончиками пальцев выщербину на краю парты.

Он гадал, что почувствует Хэ Чанфэн, когда однажды узнает, какие грязные дела творит его отец Хэ Даюн ради наживы. Хэ Даюн создал для сына идеально чистую среду, заставив его поверить, что мир прозрачен и честен, а любого, кто не является «никчемным отбросом», ждет успех и безбедная жизнь.

Таково было мировоззрение Хэ Чанфэна на протяжении восемнадцати лет. И эта картина мира

напоминала величественную, но подточенную плотину. Рано или поздно крошечная брешь обрушит всё сооружение, и Ли Жун не знал, как Хэ Чанфэн будет восстанавливать руины своей веры.

Возможно, от близости сокурсника или от собственного возбуждения, но лоб Хэ Чанфэна снова покрылся испариной. Он нетерпеливо задергал ногой и, оттягивая ворот рубашки, принялся обмахиваться.

— Когда уже конец? Духота невыносимая.

Воротник съехал, обнажая складки на шее, где виднелась отчетливая красная полоса — след от чего-то, что плотно прилегало к коже. Только сейчас Ли Жун заметил, что Хэ Чанфэн постоянно носит серебряную цепочку. Когда тот начал обмахиваться, из-под рубашки показалось небольшое распятие.

Ли Жун приподнял бровь:

— Ты веришь в это?

Хэ Чанфэн замер и, проследив за взглядом Ли Жуна, опустил голову, отчего у него тут же обозначился тройной подбородок. Он поморщился и поспешил откреститься:

— Я — нет. Отец верит. Заставил меня надеть. Ну, вещь из чистого серебра, стоит прилично, так что ношу. Выглядит неброско.

Ли Жун понимающе кивнул:

— Вот оно как. Ваша семья, судя по всему, действительно всей душой стремится к добродетели.

У его собственной бабушки тоже была вера — дом был забит книгами и брошюрами, так что Ли Жун был чувствителен к подобным вещам. Старушка была упрямой, трусливой и зашоренной, но страх перед высшим судом удерживал её от дурных поступков.

Ли Жун лишь не ожидал, что такой человек, как Хэ Даюн, наживающийся на чужом горе, тоже будет цепляться за символы веры, призывающие к милосердию.